

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 341

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-3-366-377>

Шифр научной специальности 5.1.1

## Историческая память о Второй мировой войне и публичная дипломатия Германии

**Кузина Оксана Евгеньевна,**

преподаватель кафедры общеобразовательных дисциплин, Северо-Западный филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева», 197046, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Александровский парк, 5, <https://orcid.org/0000-0002-9032-0109>, [okuzina@mail.szfrgup.ru](mailto:okuzina@mail.szfrgup.ru)

### Аннотация

Дан комплексный анализ роли исторической памяти о Второй мировой войне в публичной дипломатии Германии. Актуальность темы заключается в уникальности опыта Германии по обращению к политике памяти для реабилитации на международной арене посредством принятия ответственности за нацистские преступления. Целью исследования является выявление особенностей и механизмов, посредством которых историческая память о Второй мировой войне интегрирована в стратегию публичной дипломатии Германии, формирующей позитивный образ государства за рубежом путем защиты демократических ценностей. На основе юридических документов и современных научных публикации анализируются эволюция подходов к исторической памяти в Германии от послевоенного времени до наших дней и их связи с этапами развития ее публичной дипломатии. Сделан вывод, что историческая память о Второй мировой войне, основанная на культуре памяти и политике вины, способствовала формированию многогранного и в целом позитивного образа государства, ассоциирующегося сегодня с надежностью, качеством, культурным богатством и осознанной ответственностью за историю, в частности, благодаря деятельности посреднических институтов публичной дипломатии Германии. Проведенное исследование позволяет понять взаимосвязь исторической памяти и немецкой публичной дипломатии при построении образа государства за рубежом и выявить проблемные аспекты такого взаимодействия.

### Ключевые слова

историческая память, публичная дипломатия, мягкая сила, Вторая мировая война, Германия, политика вины, культурная память, жертвенный нарратив

### Финансирование

Это исследование не получало внешнего финансирования.

### Вклад автора

О.Е. Кузина – идея исследования, сбор и обработка нормативных документов, анализ научной литературы, анализ правоприменительной практики, написание черновика рукописи, оформление рукописи в соответствии с требованиями редакции

### Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

**Для цитирования**

Кузина О.Е. Историческая память о Второй мировой войне и публичная дипломатия Германии // Актуальные проблемы государства и права. 2025. Т. 9. № 3. С. 366-377. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-3-366-377>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-3-366-377>

OECD 5.05; ASJC 3308

## Historical Memory of World War II and Germany's Public Diplomacy

**Oksana E. Kuzina,**

Lecturer at the Department of General Education Disciplines, North-West Branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev, 5 Alexandrovsky Park, Saint Petersburg, 197046, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-9032-0109>, [okuzina@mail.szfrgup.ru](mailto:okuzina@mail.szfrgup.ru)

**Abstract**

A comprehensive analysis of the role of historical memory of World War II in Germany's public diplomacy is provided. The relevance of the topic lies in Germany's unique experience of turning to memory politics for international rehabilitation through taking responsibility for Nazi crimes. The aim of the study is to identify the features and mechanisms through which historical memory of World War II is integrated into Germany's public diplomacy strategy, which aims to create a positive image of the state abroad by defending democratic values. Based on legal documents and contemporary scientific publications, the evolution of approaches to historical memory in Germany from the post-war period to the present day is analyzed, as well as their connections to the stages of its public diplomacy development. It is concluded that historical memory of World War II, based on a culture of remembrance and a politics of guilt, contributed to the formation of a multifaceted and generally positive image of the state, which today is associated with reliability, quality, cultural richness, and a conscious responsibility for history, particularly through the activities of Germany's public diplomacy intermediary institutions. The study conducted allows us to understand the relationship between historical memory and German public diplomacy in building the image of the state abroad and to identify problematic aspects of this interaction.

**Keywords**

historical memory, public diplomacy, soft power, World War II, Germany, politics of guilt, cultural memory, sacrificial narrative

**Funding**

This research received no external funding.

**Author's contribution**

O.E. Kuzina – research idea, normative documents selection and analysis, scientific literature analysis, analysis of law enforcement practice, writing – original draft preparation, preparation of the manuscript in accordance with the requirements of the Editorial Board

**Conflict of interests**

The author declares no relevant conflict of interests.

**For citation**

Kuzina, O.E. (2025). Historical Memory of World War II and Germany's Public Diplomacy. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 9, no. 3, pp. 366-377. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-3-366-377>

**Введение. Постановка проблемы**

В современных реалиях историческая память становится одним из ключевых факторов современной международной полити-

ки. Как справедливо отмечает О.Ю. Малинова, «политика работает не с прошлым (ибо это то, чего больше нет), а с социальными представлениями о прошлом» [1, с. 8]. В ус-

ловиях, когда события прошлого, особенно Второй мировой войны, становятся ареной острых политических и информационных столкновений, опыт Германии в формировании и трансляции своей исторической памяти через инструменты публичной дипломатии приобретает исключительное значение. Информационная война, связанная с интерпретацией Второй мировой войны, не ослабевает, а, наоборот, обостряется и приобретает новый размах [2, с. 20-26]. Такие явления, как «национализация жертв и героев и советизация (русификация) палачей» [3, с. 142], активно продвигаемая рядом стран, формируют деструктивное общественное мнение и используют историю как инструмент для достижения политических целей. В совокупности это обуславливает важность исследования того, как государство, чье прошлое является центральным для данной истории – Германия, выстраивает свою нарративную стратегию исторической памяти.

Особую значимость исследованию придает тот факт, что для России память о Великой Отечественной войне остается важнейшим кодом культурной памяти [4, с. 117-118], а ее деформация оказывает непосредственное влияние на восприятие морального авторитета государства [5, с. 138]. При этом согласно части 3 статьи 67 Конституции Российской Федерации: «Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается»<sup>1</sup>.

Проблема исследования заключается в комплексном анализе взаимодействия между трагическим историческим наследием Германии, процессами формирования ее национальной идентичности и стратегиями немецкой публичной дипломатии. Институты публичной дипломатии Германии вынуждены балансировать между исторической ответственностью и современным привлекательным образом на международной арене, а

также реагировать на зарубежное общественное мнение, предотвращая деформацию исторической памяти. Целью исследования является выявление особенностей и механизмов, посредством которых историческая память о Второй мировой войне интегрирована в стратегию публичной дипломатии Германии, формирующей позитивный образ государства на основе защиты ценностей демократических прав и свобод человека. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- 1) проанализировать основы и ключевые нарративы исторической памяти Германии в послевоенный период;
- 2) исследовать инструменты и институты публичной дипломатии Германии, через которые осуществляется работа с исторической памятью;
- 3) оценить влияние исторической памяти на публичную дипломатию современной Германии;
- 4) определить проблемные аспекты в формировании позитивного образа государства за рубежом, обусловленные исторической памятью Германии.

Исследование принятия сложного исторического наследия и применения в этой связи инструментов публичной дипломатии Германии в условиях политических вызовов и информационных войн позволяет определить ее роль в предотвращении повторения ошибок прошлого и защите демократических правовых ценностей.

### Методы

Для комплексного исследования темы был применен междисциплинарный подход, сочетающий методы из истории, политологии и права. На основе принципа историзма удалось проследить эволюцию подходов к исторической памяти в Германии от послевоенного времени до наших дней и их связи с этапами развития ее публичной дипломатии. Благодаря анализу нормативно-правовых актов (концепции внешней культурно-образовательной политики Германии), речей политиков и научной литературы, в частности, опубликованной на английском и немецком языке, были выявлены цели и особенности публичной дипломатии Германии, ее основные институты. Институциональный анализ позволил исследовать роль и

<sup>1</sup> Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013> (дата обращения: 10.04.2025).

взаимодействие ключевых акторов немецкой публичной дипломатии при работе с исторической памятью о Второй мировой войне.

### **Результаты исследования/обсуждение**

Историческая память – это система устойчивых коллективных представлений, символов и ценностных интерпретаций прошлого, формируемых обществом и передаваемых из поколения в поколение. Историческая память служит основой для конструирования коллективной идентичности, легитимации социального порядка и осмысления настоящего через исторический опыт. Представления о прошлом могут трансформироваться как из-за внутренних причин (например, из-за социально-политических изменений или формирования новых ментальных установок в обществе), так и из-за внешних. При этом в условиях глобализации последние способны не только установить диалог через границы и сформировать общие этические ориентиры по урокам истории, но и сталкивать универсальные ценности и национальные мифы, травмы и идентичности.

При взаимодействии исторической памяти и внешней политики прошлое может быть как ресурсом, так и ограничителем в международных отношениях. К.А. Пахалюк, исследуя мягкую силу и политику памяти России, выделил следующие цели обращения к прошлому государств в своей внешней политике: легитимация международных интеграционных проектов, экономические императивы, обоснование территориальных претензий или существующих границ, поддержка или дезавуирование существующих международных институтов, развитие гуманитарного сотрудничества, эстетическая функция [5, с. 136]. Однако для Германии обращение к политике памяти носит иную цель – реабилитация на международной арене посредством преодоления мрачного прошлого и избавления от образа агрессора. В отличие от большинства государств, использующих «славные» страницы истории для достижения внешнеполитических целей, прошлое Федеративной Республики Германия – это бремя, требующее критической рефлексии, покаяния и практических шагов.

Разделение Германии и ограничение в военных ресурсах по итогам Второй мировой войны способствовали поиску новых инструментов для восстановления государственного положения на международной арене. Объединенная экономически процветающая ФРГ стремилась занять лидирующие позиции в Европе, но не могла вызвать сомнения других государств относительно доминирования и гегемонии. Более того, в современных условиях только экономических ресурсов стало недостаточно для признания государства влиятельным игроком в международных отношениях. В связи с этим внешнеполитическая деятельность Германии стала опираться на концепцию «мягкая сила» [6, р. 6-7].

Выделению мягкой силы в качестве отдельного типа власти способствовали социально-экономические тенденции в современной информационной эпохе, прежде всего, речь идет о преимущественно демократическом развитии государств. В соответствии с неолиберальной парадигмой считается, что демократические государства менее склонны к использованию насилия. Кроме того, при помощи множественных каналов коммуникаций они воплощают близкие к преобладающим глобальным нормам ценности (либерализм, плюрализм, автономия), а также активно формируют международную повестку дня. В совокупности это способствует восхищению и подражанию со стороны других государств, что обеспечивает актуальность и важность использования мягкого внешнеполитического влияния для решения государственных задач [7, с. 62-64; 8, с. 34].

Согласно автору концепции – Дж. Наю, «мягкая сила» – это способность получить то, что вы хотите получить, через привлечение, а не через подавление или некие «проплаты» [7, с. 18]. Такое привлечение основывается на культуре, политических идеалах и внешней политике государства. В результате, при помощи определенных ресурсов привлекательная власть убеждает, уговаривает и, в конце концов, влияет на граждан других государств, что позволяет достичь взаимопонимания и сотрудничества в межгосударственных отношениях, сокращая использование затратных методов жесткой силы [7, с. 31-32]. При этом в качестве госу-

дарственной политики, теоретической основой которой является концепция мягкой силы, Дж. Най рассматривает публичную дипломатию [8, с. 34; 9, с. 178-192].

Ни мягкая сила, ни публичная дипломатия не закреплены в официальных документах ФРГ. Даже политические деятели Германии аккуратно используют данные понятия. Основанием такого осторожного использования терминов является ряд исследований, рассматривающих их в качестве инструмента манипулирования, что недопустимо для внешнеполитической деятельности современной Германии по историческим причинам. Тем не менее, 14 ноября 2004 г. Федеральный министр иностранных дел Й. Фишер при вручении медали Льва Бэка профессору Ф. Стерну в Нью-Йорке указал на получение второго шанса ФРГ в использовании огромного потенциала мягкой силы после ее ошибок в XX веке<sup>2</sup>.

Многолетний опыт Германии позволяет определить ее публичную дипломатию как «широкую деятельность правительственных и посреднических общественных организаций по взаимодействию с зарубежной общественностью для установления взаимопонимания между народами и продвижения привлекательного образа Германии как современного демократического, инновационного и культурного государства европейской цивилизации с высоким уровнем жизни и гражданской активностью» [10, с. 98]. Ее основные инструменты направлены на распространение немецкого языка и культуры, развитие научных и экономических связей, улучшение международной привлекательности образовательных учреждений, а также на преодоление стереотипного образа. Говоря об ассоциативных образах Германии, как правило, прежде всего указываются высокое качество немецкой продукции, наследие культуры (сказки братьев Гримм, замок Нойшванштейн, праздник Октоберфест и др.), а также деспотия и террор деятелей

нацизма, что вызывает особую обеспокоенность среди политического и академического сообщества ФРГ [11]. При этом процесс формирования исторической памяти немцев о Второй мировой войне происходит на протяжении всей истории существования Германии. Рассмотрим основные этапы ее становления в Германской Демократической Республике (Восточная Германия), Федеративной Республике Германии (Западная Германия) и современной Германии, а также деятельность основных институтов публичной дипломатии того времени по преодолению нацистского прошлого.

В послевоенный период историческая память о Второй мировой войне в западно-германском обществе формировалась поэтапно. В период денацификации (1945–1949 гг.) немцы воспринимали себя жертвами стран-победителей. Принудительные меры Контрольного совета по ознакомлению с преступлениями Третьего рейха и правосудие победителей вызывали сопротивление в обществе. Период ренацификационных процессов (1940–1950 гг.) характеризуется тенденцией к вытеснению болезненного прошлого, сосредоточением на экономическом восстановлении (в частности, привлечение бывших нацистов в государственные структуры) и антикоммунистической консолидации (в частности, в 1956 г. была введена воинская повинность). Следует отметить также создание Союза изгнанных, пропагандирующего реваншистские идеи. Под влиянием нового поколения и интеллектуальной элиты начался переходный этап критического переосмысления истории (1960–1970 гг.). Студенческие протесты и деятельность внепарламентской оппозиции (в частности, Фракции Красной Армии) выступали против милитаризации общества, Франкфуртский процесс над охранниками Освенцима привлек внимание к масштабу Холокоста, были созданы мемориалы в местах бывших концлагерей (например, в Дахау, в Берген-Безель), создана система институтов, защищающих историческую память, наконец, восточная политика канцлера В. Брандта заложила основы современной культуры памяти и публичной дипломатии Германии, основанной на признании вины. Последний этап политики вины (1985–1990 гг.) начался

<sup>2</sup> Rede des Bundesministers des Auswärtigen, Joschka Fischer, zur Verleihung der Leo-Baeck-Medaille an Professor Fritz Stern am 14. November 2004 in New York: Bulletin 101-3. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/bulletin/rede-des-bundesministers-des-auswaertigen-joschka-fischer--792306> (accessed: 10.04.2025).

с речи Президента Рихарда фон Вайцзеккера 8 мая 1985 г., назвавшего день капитуляции днем освобождения от нацистской тирании и возложившего ответственность за преступления Второй мировой войны на нацистский режим. В указанный период происходили выплаты жертвам Третьего рейха, либерализация миграционной политики, поддержка стран Восточной Европы. Таким образом, государство взяло на себя активную роль в правовом противодействии ревизионизму, отрицанию Холокоста и попыткам возрождения милитаристских настроений при активной поддержке гражданского общества [4, с. 116; 12, с. 90-100; 13, с. 37-42].

Основной проблемой для внешней политики Западной Германии являлась ассоциация с мрачным нацистским прошлым. При этом в данный период времени появляется понимание, что международные отношения Германии – это три столпа: классическая дипломатия, внешнеэкономическая политика и внешняя культурная политика. Для преодоления стереотипов и предрассудков была выбрана сдержанная культурная политика, включающая деятельность посреднических неправительственных организаций (Институт Гете, Германская служба академических обменов – DAAD, Фонд имени Александра фон Гумбольдта, Институт внешних культурных связей – Institut für Auslandsbeziehungen, ifa), финансирование которых происходило преимущественно за счет средств Федерального министерства иностранных дел ФРГ, а также взаимопонимания с целевыми аудиториями (культура сдержанности). Так, изначально ФРГ взаимодействовала с европейскими государствами и государствами-членами Организации Североатлантического договора (НАТО) посредством информационных средств (радио и телевидение). В период разрядки стали активно применяться программы в области культуры и образования в развивающихся странах. В период деятельности канцлера Г. Коля (1982–1998 гг.) упор публичной дипломатии Западной Германии, а затем и объединенной Германии был сделан на внешнеэкономические инициативы в странах Центральной и Восточной Европы, Содружества Независимых Государств. Примечательно, что изначально деятельность

посреднических организаций публичной дипломатии ФРГ была направлена на демонстрацию элитарной культуры («страна поэтов и мыслителей»: И. Гете, Ф. Шиллер, Г. Гейне, И. Кант, Г. Гегель и др.), так как предполагалось, что таким образом произойдет убеждение международного сообщества в том, что Германия, несмотря на свое прошлое, является цивилизованным государством, которого не стоит опасаться. В период восточной политики В. Брандта западногерманская публичная дипломатия была дополнена также стратегией внедрения культурного обмена для построения взаимопонимания и уменьшения вероятности военной конфронтации [6; 14, р. 21-23; 15, р. 311]. Таким образом, инструменты публичной дипломатии ФРГ использовались для достижения ключевых внешнеполитических целей послевоенного периода: политической реабилитации государства и обеспечения международной безопасности.

Осмысление нацистского прошлого в Восточной Германии отличалось от аналогичного процесса в Западной Германии. Под руководством Социалистической единой партии Германии произошла подмена понятий, в результате которой нацизм имел капиталистическую природу, что подразумевало вину эксплуатирующего правящего класса Западной Германии и невиновность восточных немцев. Таким образом, ГДР строилась на идеях антифашизма и освобождения и причисляла себя к победителям, при этом прошлое не было подвергнуто критическому осмыслению в сознании восточных немцев. М. Уль назвал такое поверхностное преодоление нацистского прошлого «антифашизмом по приказу» и привел статистические данные, согласно которым в конце 1980-х гг. в ГДР было зафиксировано более 800 неонацистов [13, с. 37].

Для публичной дипломатии Восточной Германии характерна централизация. Такая внешнеполитическая деятельность ГДР была обусловлена, прежде всего, влиянием Союза Советских Социалистических Республик, а также отсутствием признания ее суверенитета многими государствами, не входившими в Организацию Варшавского договора. Однако, обретя признание большинства государств к первой половине

1970-х гг., ГДР продолжила проводить публичную дипломатию, направленную на тесное сотрудничество с СССР и бывшими государствами Восточного блока посредством организации образовательных и научных обменов. Что касается западных государств, то они не представляли интереса для инициирования программ публичной дипломатии Восточной Германии из-за другого политического строя. Тем не менее, в отношении них провозглашалась идея мирного сосуществования, а также твердо защищался позитивный образ государства [14, р. 23; 16, с. 653-654]. При этом вся деятельность институтов публичной дипломатии ГДР, связанная с исторической памятью о Второй мировой войне, сводилась к созданию общих мест памяти – братские воинские захоронения, мемориалы, памятники жертвам нацизма (в частности, Трептов-парк в Берлине, мемориальный комплекс Бухенвальд, Советское гарнизонное кладбище в Дрездене и др.).

Историческая память объединенной Германии о Второй мировой войне продолжила модель Западной Германии. Основными стали нарративы о коллективной ответственности, вине за Холокост и другие преступления нацизма, а также культура памяти о жертвах Третьего рейха. Концепция преодоления прошлого была дополнена также осмыслением диктатуры Социалистической единой партии Германии в ГДР наряду с периодом национал-социализма. Императив «Никогда снова!» как обязательство предотвратить подобные преступления, защищая права человека и демократию, обуславливает постоянное критическое переосмысление прошлого, его причин и последствий. При этом продолжают уголовные преследования нацистских преступников и компенсации жертвам (деятельность Фонда Память, ответственность и будущее), оказывается финансовая поддержка мемориалов, а концлагеря и места массовых расстрелов стали образовательно-просветительскими центрами поминовения [13, с. 38-39].

Однако в XXI веке начала происходить переориентация памяти, стал формироваться также «жертвенный нарратив», охватывающий страдания немецкого населения от бомбардировок, изгнания с восточных террито-

рий и насилия со стороны войск союзников [17; 18, с. 117-119]. Более того, М.В. Новикова указывает, что в 2000-е гг. доминирующей темой в культуре Германии стало травматическое прошлое немецкого общества во Второй мировой войне [19].

Что касается публичной дипломатии, то от централизованного подхода ГДР объединенная Германия отказалась. Помимо недостатков жесткого контроля и узкого представительства институтов публичной дипломатии возможной причиной также можно назвать ассоциацию публичной дипломатии социалистического блока с пропагандой, так как при создании термина «публичная дипломатия» Э. Галлион ориентировался на потребность противопоставления деятельности Информационного агентства США советской пропаганде [20]. Как видим, снова по историческим причинам для Германии было недопустимо ощущение навязывания и пропаганды у других государств. Соответственно, современная ФРГ стала преемницей модели публичной дипломатии Западной Германии.

Согласно концепциям внешней культурно-образовательной политики Германии («Внешняя культурная политика – концепция 2000» и «Внешняя культурно-образовательная политика в эпоху глобализации: Приобретать партнеров, передавать ценности, представлять интересы» (2011 г.)), одной из целей современной внешней культурно-образовательной политики является формирование многостороннего объективного образа Германии [21, р. 23]. В данной связи значимым аспектом является направленность на выстраивание общей исторической памяти с государствами, ставшими основными жертвами нацистской агрессии во Второй мировой войне. Институт имени Гете, способствуя популяризации немецкого языка, культуры и образования, организует международную платформу для диалога и транслирует ключевые нарративы исторической памяти Германии. В частности, Институт имени Гете содействовал переводу книги израильского психолога и исследователя коллективной памяти о нацизме и последствий Холокоста Д. Бар-Она «Унаследованное молчание: беседы с детьми Третьего рейха» [22], согласно которой именно разговоры

(“telling stories”) ведут к новым пониманиям в истории, сохраняя прошлое, избегая его забвения, вытеснения или мифологизации. Германская служба академических обменов предоставляет стипендии для исследователей исторической памяти, в частности, была инициирована стипендия для зарубежных исследователей истории, культуры и языка немецких меньшинств в странах Центральной Восточной Европы и Содружества Независимых Государств. Общественно-политические фонды ФРГ в соответствии со своей политической ориентацией включают историческую тематику в свои международные проекты, семинары и публикации, демонстрируя, как Германия извлекает уроки из истории для построения демократического общества.

Таким образом, следует выделить ключевые особенности влияния исторической памяти на публичную дипломатию Германии.

Во-первых, мрачное прошлое обусловило необходимость переосмысления роли Германии в мире, что повлияло на ее внешнеполитические инструменты. Отныне немецкая внешняя политика стала сдержанной, был принят сознательный отказ от демонстрации жесткой силы, гегемонистских амбиций и односторонних действий в пользу многосторонности (в частности, европейской интеграции) и диалога культур. Такая спокойная и терпеливая модель поведения как ответ на историческую травму способствовала восстановлению и укреплению международного доверия.

Во-вторых, историческая рефлексия о травматическом опыте XX века обуславливает исключение во внешней политике ФРГ выполнения цивилизационной миссии по провозглашению универсальных ценностей. Напротив, Германия связывает свою национальную идентичность с памятью о собственных преступлениях и доказывает, что готова нести ответственность за них, являясь ярким приверженцем демократических ценностей и мира [23]. Такой отказ от эстетизации героического прошлого проявляется и в деятельности институтов публичной дипломатии Германии, направленной как на сохранение памяти о жертвах с целью предотвращения повторения трагедии, так и на за-

щиту демократических ценностей [24, с. 75-76].

В-третьих, по историческим причинам публичная дипломатия Германии основана на диалоге культур. Диалог культур подразумевает равноправный и двусторонний обмен в культурной и образовательной политике со страной пребывания. Многочисленные точки соприкосновения посредством неправительственных культурных и образовательных проектов за рубежом, а также подобные представительства государств-партнеров на территории Германии формируют взаимопонимание и доверие, что является фундаментом для развития устойчивых и мирных межгосударственных отношений в долгосрочной перспективе.

Тем не менее, историческая память Германии вызывает ряд сложностей при формировании позитивного образа государства за рубежом. Несмотря на указание основателя концепции «мягкая сила» Дж. Ная на значение покаяния Германии для утверждения позитивного международного имиджа [7, с. 125], а также идеи экспертов о преодолении негативных ассоциаций и формировании нового «технократического» образа государства [25, S. 169-172] или о необходимости сочетания жестких и мягких силовых подходов во внешней политике ФРГ [26, р. 7], следует отметить, что исследования зарубежных публикаций СМИ на тему чемпионата мира по футболу 2006 г. в Германии выявили, что такие локации, как Бавария и Нюрнберг вызывали у зарубежной общественности ассоциативный ряд, связанный с Третьим рейхом [27, с. 79-81], что в очередной раз доказывает: преодоление мрачного исторического прошлого является сложным и долгим процессом.

Кроме того, Германия, как «нация в постоянном становлении» [28, р. 70], решает проблему национальной идентичности. При этом историческая память, являясь живым процессом, затрудняет это решение. В результате, такая неоднозначность самоидентификации также осложняет разработку привлекательного внешнего имиджа государства и ставит под угрозу сформировавшийся послевоенный миропорядок. Попытки пересмотра исторической памяти о Второй мировой войне, а также тенденция установле-

ния «жертвенного нарратива» негативно влияют на отношения с государствами, являющимися основными объектами нацистской политики уничтожения и порабощения.

### Заключение

Формирование современного позитивного образа Германии за рубежом стало результатом длительной неоднородной многопоколенческой работы, требовавшей честного и болезненного восприятия самого темного периода своей истории на всех уровнях – от политических решений и финансовых вложений до практических шагов и глубокого осознания. Первоначальное внешнее принуждение сменило активное критическое усвоение трагического прошлого и его институционализацию. Государство сыграло ключевую роль в работе над историческими ошибками и финансировании, однако, значимыми агентами стали негосударственные акторы – культура, наука, спорт, бизнес и гражданское общество, в частности, посреднические институты публичной дипломатии Германии. В совокупности, их деятельность,

подкрепленная стабильностью и успехами политической и экономической систем, способствовала формированию многогранного и в целом позитивного образа современной Германии, ассоциирующейся сегодня с надежностью, качеством, культурным богатством и осознанной ответственностью за историю. Через конфликты и сопротивление была сформирована культура памяти и политика вины, которые стали неотъемлемой частью немецкой государственности.

Необходимо дальнейшее исследование развития исторической памяти немцев и ее влияния на зарубежное позиционирование современной Германии в целях анализа устойчивости и уязвимостей сформированной идентичности перед новыми вызовами геополитических реалий, роста правого популизма, исторического ревизионизма и скептицизма молодого поколения («усталость от вины»). Особую важность это представляет для Российской Федерации, победа в Великой Отечественной войне для которой стала ключевым кодом культурной памяти.

### Список источников

1. Малинова О.Ю. Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: возможности сравнительного анализа // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2017. № 4 (87). С. 6-22. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2017-87-4-6-22>, <https://elibrary.ru/xtxfpf>
2. Вилков А.А. Информационные сражения на полях исторической памяти о Второй мировой и Великой Отечественной войнах // Вестник Поволжского института управления. 2020. Т. 20. № 2. С. 19-26. <https://doi.org/10.22394/1682-2358-2020-2-19-26>, <https://elibrary.ru/sfnzkt>
3. Мухаджеев С.Х.Х. Народная дипломатия в пространстве памяти о Второй мировой войне // Путь к Великой Победе: история и современность: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 75-летию Победы в Великой Отечественной войне. Майкоп, 2020. С. 140-143. <https://elibrary.ru/nafbco>
4. Поршинева О.С. Феномен исторической памяти о войне // Уральский вестник международных исследований. 2005. № 4. С. 112-119.
5. Пахалюк К.А. «Мягкая сила» и политика памяти в контексте внешней политики современной России: точки пересечения // Дневник Алтайской школы политических исследований. 2018. № 34. С. 134-141. <https://elibrary.ru/vmkeyd>
6. Pamment J. Time, Space & German Soft Power: Toward a Spatio-Temporal Turn in Diplomatic Studies? // Perspectives. 2013. Vol. 21. № 2. P. 5-25.
7. Най Дж.С. Гибкая власть. Как добиться успеха в мировой политике / пер. с англ. В.И. Супруна. Новосибирск; Москва: Фонд социо-прогностических исследований «Тренды», 2006. 221 с. <https://elibrary.ru/uljjzf>
8. Кузина О.Е. Влияние неолиберального подхода к понятию «сила» на неореалистическую и конструктивистскую теории международных отношений // Вестник факультета социальных цифровых технологий: XXIII Международный Балтийский коммуникационный форум. Санкт-Петербург, 2021. С. 32-37. <https://elibrary.ru/uvkgxw>
9. Най Дж.С. Будущее власти. Как стратегия умной силы меняет XXI век / пер. с англ. В.Н. Верченко. Москва: АСТ, 2014. 444 с.
10. Кузина О.Е. Дискурс публичной дипломатии Германии (2014–2019 гг.) // Манускрипт. 2020. Т. 13. № 5. С. 96-98. <https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.5.17>, <https://elibrary.ru/zjadvn>

11. Zöllner O. Germany's public diplomacy: Translating domestic discourses of modernity and culture, past and present // Routledge Handbook of Public Diplomacy / Nancy Snow & Nicholas J. Cull. London; New York: Routledge, 2020. URL: <http://dx.doi.org/10.4324/9780429465543.ch25>
12. Колесов Д.И., Маслова И.И., Сухова О.А., Шимаская О.К. Историческая память о Второй мировой войне в Германии: этапы формирования // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2018. № 1 (45). С. 89-104. <https://doi.org/10.21685/2072-3024-2018-1-9>, <https://elibrary.ru/xwoxzb>
13. Уль М. 8 мая в немецкой культуре памяти // Не забудем, но простим? Образ войны в культуре и исторической памяти: доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». Великий Новгород, 2020. С. 30-46.
14. Auer A., Srugies A. Public Diplomacy in Germany. Los Angeles: CPD Perspectives on Public Diplomacy Series, Figueroa Press, 2013. 55 p.
15. Hülsse R. The Catwalk Power: Germany's new foreign image policy // Journal of International Relations and Development. 2009. Vol. 12. P. 293-316. <https://doi.org/10.1057/jird.2009.32>
16. Wood S. Das Deutschlandbild: National Image, Reputation and Interests in Post-War Germany // Contemporary European History. 2018. Vol. 27. № 4. P. 651-673. <https://doi.org/10.1017/S0960777318000188>
17. Новикова М.В. Проблема исторической памяти в Германии в годы канцлерства Герхарда Шредера // Новая и новейшая история. 2020. № 4. С. 127-137. <https://doi.org/10.31857/S013038640010329-9>, <https://elibrary.ru/qcydzi>
18. Доценко П.А. Преодоление прошлого и «политика вины» в Германии // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2023. № 4 (34). С. 113-121. <https://doi.org/10.15211/vestnikieran42023113121>, <https://elibrary.ru/iersoy>
19. Новикова М.В. Проблема национальной травмы в коллективной памяти немцев объединенной Германии // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2021. № 2. С. 117-126. <https://doi.org/10.28995/2073-6339-2021-2-117-126>, <https://elibrary.ru/trhkog>
20. Cull N.J. Public Diplomacy before Gullion: The Evolution of a Phrase // Routledge Handbook of Public Diplomacy. New York: Routledge, 2009. P. 19-23. <https://doi.org/10.4324/9780203891520-10>
21. Anheier H.K., Knudsen E.L., List R.A. Soft Power and the New Geopolitics: Germany in Comparative Perspective. The External Cultural Policy Monitor. Stuttgart: Institut für Auslandsbeziehungen, 2023. 85 p. <https://doi.org/10.17901/974>
22. Bar-On D. Legacy of silence: Encounters with children of the Third Reich. London: Harvard University Press, 1989. 338 p.
23. Bettine M., Özdemir M. Germany between Leitkultur and soft power: the first world cup in the Middle East and migratory conflicts // Sociology International Journal. 2024. № 8 (1). P. 1-6. <https://doi.org/10.15406/sij.2024.08.00369>, <https://elibrary.ru/gpiqhl>
24. Пименова Е.В. Страна, которая отказалась от своего прошлого. Древность, средневековье и новое время в современном политическом дискурсе ФРГ // Свободная мысль. 2020. № 1 (1679). С. 63-78. <https://elibrary.ru/ezvgtg>
25. Karten B.I. Staatliche Imagearbeit: Die Public Diplomacy des Auswärtigen Amtes. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, Springer Fachmedien Wiesbaden GmbH, 2008. 273 S. [https://doi.org/10.1007/978-3-531-90954-7\\_7](https://doi.org/10.1007/978-3-531-90954-7_7)
26. Anheier H.K., Abels C.M., Yang Y., Knudsen E. Deutschlands Soft Power 2030: Szenarien für eine Welt im Umbruch – Zusammenfassung. The External Cultural Policy Monitor. Stuttgart: Institut für Auslandsbeziehungen, 2022. 10 p. <https://doi.org/10.17901/ecp.2022.078>
27. Бадалова Е.В., Дмитриева С.И. Публичная дипломатия ФРГ // Германия на перекрестках истории. Проблемы внутренней и внешней политики в контексте трансформаций международных отношений: сб. ст. Вып. 6. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2015. С. 76-87. <https://elibrary.ru/vhcwxt>
28. Ash T.G. Germany's Choice // Foreign Affairs. 1994. Vol. 73. № 4. P. 65-81. <https://elibrary.ru/bvlbel>

## References

1. Malinova O.Yu. (2017). Commemoration of historical events as an instrument of symbolic politics: opportunities for comparative analysis. *Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz (Zhurnal politicheskoi filosofii i sotsiologii politiki) = The Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics Politeia*, no. 4 (87), pp. 6-22. (In Russ.) <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2017-87-4-6-22>, <https://elibrary.ru/xtxfpf>

2. Vilkov A.A. (2020). Information battles on the ground of historical memory of the World War II and the Great Patriotic War. *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya = The Bulletin of the Volga Region Institute of Administration*, vol. 20, no. 2, pp. 19-26. (In Russ.) <https://doi.org/10.22394/1682-2358-2020-2-19-26>, <https://elibrary.ru/sfnzkt>
3. Muskhadzhiyev S.Kh.Kh. (2020). People's diplomacy in the space of memory of the Second World War. *Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 75-letiyu Pobedy v Velikoi Otechestvennoi voine «Put' k Velikoi Pobede: istoriya i sovremennost'» = Proceedings of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 75th Anniversary of Victory in the Great Patriotic War "The Path to Great Victory: History and Modernity"*. Maikop, pp. 140-143. (In Russ.) <https://elibrary.ru/nafbc0>
4. Porshneva O.S. (2005). The phenomenon of historical memory of the war. *Ural'skii vestnik mezhdunarodnykh issledovaniy = Ural Survey of International Affairs*, no. 4, pp. 112-119. (In Russ.)
5. Pakhalyuk K.A. (2018). "Soft Power" and memory politics in the context of modern Russia's foreign policy: points of intersection. *Dnevnik Altaiskoi shkoly politicheskikh issledovaniy = Diary of the Altai School of Political Studies*, no. 34, pp. 134-141. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vmkeyd>
6. Pamment J. (2013). Time, Space & German Soft Power: Toward a Spatio-Temporal Turn in Diplomatic Studies? *Perspectives*, vol. 21, no. 2, pp. 5-25.
7. Nye J.S. (2006). *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. Novosibirsk, Moscow, "Trends" Foundation for Socio-Prognostic Research, 221 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/uljjzf>
8. Kuzina O.E. (2021). The influence of the neoliberal approach to the concept of "power" on the neorealist and constructivist theories of international relations. *Vestnik fakul'teta sotsial'nykh tsifrovyykh tekhnologii: XXIII Mezhdunarodnyi Baltiiskii kommunikatsionnyi forum = Journal of the Faculty of Social Digital Technologies: XXIII International Baltic Communication Forum*. St. Petersburg, pp. 32-37. (In Russ.) <https://elibrary.ru/uvkgxw>
9. Nye J.S. (2014). *The Future of Power*. Moscow, AST Publ., 444 p.
10. Kuzina O.E. (2020). The German public diplomacy discourse (2014–2019). *Manuskript = Manuscript*, vol. 13, no. 5, pp. 96-98. (In Russ.) <https://doi.org/10.30853/manuskript.2020.5.17>, <https://elibrary.ru/zjadvn>
11. Zöllner O. (2020). Germany's public diplomacy: Translating domestic discourses of modernity and culture, past and present. *Routledge Handbook of Public Diplomacy*. London, New York, Routledge. <http://dx.doi.org/10.4324/9780429465543.ch25>
12. Kolesov D.I., Maslova I.I., Sukhova O.A., Shimaskaya O.K. (2018). Historical memory of the Second World War in Germany: stages of formation. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskii region. Gumanitarnye nauki = University Proceedings. Volga Region. Humanities*, no. 1 (45), pp. 89-104. (In Russ.) <https://doi.org/10.21685/2072-3024-2018-1-9>, <https://elibrary.ru/xwoxzb>
13. Uhl M. (2020). May 8th in German Memory Culture. *We Will Not Forget, But Will We Forgive? The Image of War in Culture and Historical Memory: Report of the Valdai International Discussion Club*. Veliky Novgorod, pp. 30-46.
14. Auer A., Srugies A. (2013). *Public Diplomacy in Germany*. Los Angeles, CPD Perspectives on Public Diplomacy Series, Figueroa Press, 55 p.
15. Hülse R. (2009). The Catwalk Power: Germany's new foreign image policy. *Journal of International Relations and Development*, vol. 12, pp. 293-316. <https://doi.org/10.1057/jird.2009.32>
16. Wood S. (2018). Das Deutschlandbild: National Image, Reputation and Interests in Post-War Germany. *Contemporary European History*, vol. 27, no. 4, pp. 651-673. <https://doi.org/10.1017/S0960777318000188>
17. Novikova M.V. (2020). The problem of historical memory in Germany during the chancellorship of Gerhard Schröder. *Novaya i noveishaya istoriya = Modern and Contemporary History*, no. 4, pp. 127-137. (In Russ.) <https://doi.org/10.31857/S013038640010329-9>, <https://elibrary.ru/qcydzi>
18. Dotsenko P.A. (2023). Overcoming the past and the "politics of guilt" in Germany. *Nauchno-analiticheskii vestnik Instituta Evropy RAN = Scientific and Analytical Herald of IE RAS*, no. 4 (34), pp. 113-121. (In Russ.) <https://doi.org/10.15211/vestnikieran42023113121>, <https://elibrary.ru/iersoy>
19. Novikova M.V. (2021). The problem of national trauma in the collective memory of Germans in the united Germany. *Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya = RGGU Bulletin. Series: Political Science. History. International Relations*, no. 2, pp. 117-126. (In Russ.) <https://doi.org/10.28995/2073-6339-2021-2-117-126>, <https://elibrary.ru/trhkog>
20. Cull N.J. (2009). Public Diplomacy before Gullion: The Evolution of a Phrase. *Routledge Handbook of Public Diplomacy*. New York, Routledge, pp. 19-23. <https://doi.org/10.4324/9780203891520-10>

21. Anheier H.K., Knudsen E.L., List R.A. (2023). *Soft Power and the New Geopolitics: Germany in Comparative Perspective. The External Cultural Policy Monitor*. Stuttgart, Institut für Auslandsbeziehungen Publ., 85 p. <https://doi.org/10.17901/974>
22. Bar-On D. (1989). *Legacy of silence: Encounters with children of the Third Reich*. London, Harvard University Press, 338 p.
23. Bettine M., Özdemir M. (2024). Germany between Leitkultur and soft power: the first world cup in the Middle East and migratory conflicts. *Sociology International Journal*, no. 8 (1), pp. 1-6. <https://doi.org/10.15406/sij.2024.08.00369>, <https://elibrary.ru/gpiqhl>
24. Pimenova E.V. (2020). The country that renounced its past. Antiquity, the Middle Ages, and Modern Times in Contemporary Political Discourse in the Federal Republic of Germany. *Svobodnaya mysl' = Free Thought*, no. 1 (1679), pp. 63-78. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ezvgtg>
25. Karten B.I. (2008). *Staatliche Imagearbeit: Die Public Diplomacy des Auswärtigen Amtes*. Wiesbaden, VS Verlag für Sozialwissenschaften, Springer Fachmedien Wiesbaden GmbH, 273 S. (In Ger.) [https://doi.org/10.1007/978-3-531-90954-7\\_7](https://doi.org/10.1007/978-3-531-90954-7_7)
26. Anheier H.K., Abels C.M., Yang Y., Knudsen E. (2022). *Deutschlands Soft Power 2030: Szenarien für eine Welt im Umbruch – Zusammenfassung. The External Cultural Policy Monitor*. Stuttgart, Institut für Auslandsbeziehungen, 10 p. <https://doi.org/10.17901/ecp.2022.078>
27. Badalova E.V., Dmitrieva S.I. (2015). Public Diplomacy of the Federal Republic of Germany. *Germaniya na perekrestkakh istorii. Problemy vnutrennei i vneshnei politiki v kontekste transformatsii mezhdunarodnykh otnoshenii = Germany at the Crossroads of History. Problems of Domestic and Foreign Policy in the Context of Transformations in International Relations*. Voronezh, Voronezh State University Publ., issue 6, pp. 76-87. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vhewxt>
28. Ash T.G. (1994). Germany's Choice. *Foreign Affairs*, vol. 73, no. 4, pp. 65-81. (In Russ.) <https://elibrary.ru/bvlbel>

Поступила в редакцию / Received 16.05.2025

Поступила после рецензирования / Revised 20.07.2025

Принята к публикации / Accepted 25.08.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи. / The author has read and approved the final manuscript.